

# ПРОЗА.

---

## ПОѢЗДКА ИЗЪ САНКТПЕТЕРБУРГА ВЪ МѢСТЕЧКО КОНСТАНТИНОВО,

ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ГРАФУ Ю . . А . Г . . . .

=

Послѣ долгихъ сборовъ къ выѣзду въ Украину, я наконецъ простился въ ночи (7 іюня 1836 г.) съ своимъ великолѣпнымъ Петербургомъ, полнымъ жизни и дѣятельности человѣческой, гдѣ все кажется для жителя внутреннихъ губерній Россіи — очаровательнымъ, чудеснымъ, гдѣ и самое пылкое любопытство будетъ удовлетворено, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ весьма много. Каждый изъ жителей обширной Россіи долженъ стараться видѣть, хоть одинъ разъ въ свою жизнь, — столицу, основанную мощною рукою Великаго Петра; каждый изъ нихъ, не выдавши ея, не можетъ себѣ пред-

ставить всего того, что сильно поражаетъ наше воображеніе и дѣйствуетъ на наши чувства. Тамъ найдется все, отъ великаго до малаго, въ крайнихъ объемахъ. Нѣтъ искусства, нѣтъ силы, способности нашей души, которая могла бы передать все — въ такихъ яркихъ краскахъ, занимательныхъ формахъ, разнообразныхъ движеніяхъ, какими наполнена эта чудесная столица. Въ ней-то можно найти лучшія доказательства, что человѣческій умъ въ своемъ могущественномъ лонѣ произведеній, есть самая высшая стихія временнаго появленія человѣка на землѣ. Нигдѣ болѣе, какъ въ столицѣ, не является такъ открыто, такъ видимо великое соединеніе двухъ противоположныхъ крайностей, представляемыхъ людьми въ общественной жизни: памятники ума, изящность вкуса и безсмертіе генія на развалинахъ земной, страннической жизни человѣка.

Впечатленіе, произведенное Петербургомъ въ моей памяти, живо сохранится навсегда. Нѣтъ потребности, которая не могла бы тамъ исполниться; нѣтъ желанія, которое не могло бы удовлетвориться въ этомъ дивномъ городѣ. Каждый пріѣхавшій туда, найдетъ, по роду своихъ занятій, много любопытнаго, назидательнаго. Общественныхъ учрежденій, изливающихъ благодѣяніе на человѣческій родъ, безчисленно, начиная отъ Академій Наукъ и Искусствъ до мануфактурныхъ заведеній, доведенныхъ до совершенства,

гдѣ каждому можно получить всѣ нужныя свѣдѣнія для своего усовершенствованія. Взошедши на Невскій проспектъ, гдѣ болѣе всего сосредоточена дѣятельность и предпріимчивость людей, на эту улицу выставки всѣхъ лучшихъ произведеній отечественныхъ и иностранныхъ, можно быть ослѣплену отъ разнообразія, блеску и пестроты вещей превосходной отдѣлки. Тамъ, гдѣ сосредоточивается торговля Россіи съ Германіею, Франціею, Англіею и другими державами, можно видѣть все лучшее. Да, еще должно истинно сказать, каждый Русскій долженъ видѣть Петербургъ. Сохранявъ въ моей памяти такъ много лучшихъ впечатлѣній, я нехотя долженъ былъ проститься съ этою чудесною столицею, и покориться условіямъ, которыя отъ насъ часто не зависятъ. Въ ночь свѣтлую, какъ день, мы проѣхали г. Софію, сосѣдку Царскаго села, гдѣ успѣхи усовершенствованій еще слиты неразрывно съ Петербургомъ, и наконецъ за г. Гатчиномъ, красиво обстроеннымъ, начали встрѣчать мрачную, сѣверную природу, совершенно противоположную богатствамъ Петербургскимъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, уже невыстланной голышемъ, однообразіе предметовъ наведетъ на каждого путешественника грустное чувство унынія. Песокъ, кругляки гранита, разбросанные по полямъ и кое-гдѣ перемѣшанные съ затвердѣлымъ известнякомъ, попадались по сторонамъ всей Бѣ-

лорусской дороги до села Залазы, гдѣ оканчивается Петербургская губернія. Вездѣ почва бѣдная, глинисто-песчаная, не вознаграждаетъ трудовъ земледѣльца; на ней роскошествуетъ стройная ель, раскидистая сосна, пріютистый можжевельникъ, и рѣдко между ими выглядываетъ могучій дубъ съ плакучею березою. Псковская губернія начинается деревнею Боровичами, и ничѣмъ не отличается отъ произведеній Петербургской: глубокіе пески, хвойный лѣсъ, плоское мѣсто, покрытое то болотами, то озерами, то топами, кои повтораются отъ станцій до станцій и кажутся безконечными. Вотъ селеніе Сенково, начало первой Бѣлорусской губерніи, Витебской. Наша надежда видѣть какую либо перемѣну здѣсь обманулась: все одно и то же, съ тою разницею, что молодой лѣсъ, составлявшій природныя аллеи по сторонамъ Петербургской дороги, въ Бѣлоруссіи уже возвышается въ стройныя, огромныя деревья, и составляетъ непроходимыя дебри, въ которыхъ обитаютъ безстрашно муравейники медвѣди, рыщутъ волки, быстро пробѣгаютъ массивные лоси, прячутся лукавыя лисицы, и находятъ себѣ лучшую пищу дальнозоркія рыси. На разсвѣтъ, переѣхавши на паромѣ быструю Западную Двину близъ г. Суража, роскошно изливающуюся въ крутыхъ, глинистыхъ берегахъ, мы достигли въ непродолжительное время самаго губернскаго города Ви-

тебска, въ которомъ старинные уніатскіе и католическіе костелы и монастыри составляютъ рѣдкость, замѣчательную по характеру древней архитектуры; немного Русскихъ церквей и весьма мало каменныхъ домовъ, могущихъ назваться хорошими. Не буду говорить о достопамятностяхъ города въ отношеніи историческомъ: онѣ заняли бы слишкомъ много мѣста. Весь онъ расположенъ на полугорѣ, и кажется очень бѣденъ по наружности; за то, взаимъ всего, составляютъ отличный его признакъ Жиды, которыхъ тамъ такъ много, что невольно подумаешь о Витебскѣ, какъ о столицѣ Евреевъ. Вся торговля рѣшительно въ ихъ рукахъ: множество мелочныхъ лавокъ наполнено Жидами и Жидовками, имѣющими природныя коммерціальныя способности, искусно обманывать, простодушныхъ покупателей. Надо видѣть это множество Евреевъ, въ нечистомъ и изорванномъ платьѣ, то сидящихъ за стойками (лавочные столы), то встающихъ съ мѣстъ при видѣ покупателей, то бѣгущихъ съ товаромъ въ рукахъ вслѣдъ за ними, то бормочущихъ непонятныя слова недовольства на соседей торгашей, то наконецъ истощающихъ все свое краснорѣчіе о достоинствѣ негоднаго товара, и порицающихъ доброту хорошаго издѣлья, чтобы удобнѣе обмануть провѣзжихъ покупателей. Торговля Евреевъ есть рынокъ обмана. Этого кагальнаго отродья, потерявшаго свое отечество, глав-

ная принадлежность, замѣтная даже и у зажиточныхъ, есть свойственная имъ неопрятность и нечистота; отъ этого и Витебскъ кажется городомъ грязнымъ, мало похожимъ на наши Русскіе города. Въ Могилевскую губернію мы въѣхали по тѣнистой березовой аллеѣ, насаженной бывшимъ генералъ-губернаторомъ графомъ З. Г. Чернышевымъ, лѣтъ 60 назадъ; стволы стройныхъ березъ потеряли, отъ вліянія времени, бѣлую свою одежду, и со всѣхъ почти сторонъ покрываются разросшимися ягелями (*lichenes*), придающими имъ нѣкоторую мрачность. Въ критическую минуту для Россіи, въ 1812 году, по этой самой аллеѣ отъ Вильны тянулись обозы Наполеона и шли его неустрашимыя полчища воиновъ, готовые разрушить все. Городъ Орша служилъ имъ мѣстомъ торжественнаго выхода въ Смоленскъ и убійственной ретирады. Въ недалекомъ разстояніи (черезъ станцію) отъ нее вправо, г. Борисовъ, на рѣкѣ Березинѣ, а влѣво г. Красной, являются свидѣтелями страннаго пораженія непріятелей: эти мѣста останутся вѣчными памятниками храбрости и торжества Русскихъ надъ врагомъ иноплеменнымъ; тутъ уже великій геній Наполеона пересталъ руководить своихъ храбрыхъ сподвижниковъ, и жребій ихъ совершился ужасно. Теперь, (ровно черезъ 24 года), каждый, проѣзжая по этой самой аллеѣ, представляетъ себѣ ту страшную минуту, когда бы-

стро двигалась армія завоевателя Европы, и нынѣшнее, совершенное спокойствіе, глубокую тишину и полужабвеніе, невольно погружается въ пучину думъ, увлекающихъ его далеко изъ существенности въ міръ фантазіи! Такъ пройдетъ все въ человѣческой жизни, какъ прошлый день невозвратимый: вмѣсто всѣхъ памятниковъ, оставшихся отъ прошлыхъ событій, сохранились однѣ только, полувѣковые свидѣтели, березы, которыя также безмолвствуютъ, какъ и въ роковой день для Россіи, за 24 года.

Отъ Витебска до Могилева на Днѣпрѣ, слишкомъ 160 верстъ: дорога эта, обсаженная съ обѣихъ сторонъ двойнымъ рядомъ березъ, представляется лучшею аллеею для Англійскаго сада. Мы проѣхали ее довольно скоро, и нашли хорошую квартиру при въездѣ въ самый городъ, въ гостиницѣ для Русскихъ, содержимой иностранцемъ. Чистота дома, гостепріимство хозяина и вкусный обѣдъ, заставили насъ тамъ отдохнуть нѣсколько часовъ отъ нашей дороги. Къ вечеру мы простились съ Могилевомъ, въ которомъ такъ долго пребывала главная квартира 1-й нашей арміи, и въ которомъ, можно сказать, находится довольно хорошихъ зданій, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, занимающихъ гористое мѣсто, откуда открываются живописные виды, по логовищу Днѣпра обильно разбросанные. За Могилевомъ до самаго г. Чернигова стройно тянется Чернышев-

ская аллея. Удивительно то, что на песчаномъ совершенно грунтѣ, на пространствѣ болѣе 500 верстѣ, она разведена съ одинаковымъ успѣхомъ; взявъ въ примѣръ разведеніе деревьевъ, для прохлады и тѣни путникамъ по дорогѣ, въ наше время, сообразивъ всѣ трудности, и наконецъ рѣшительныя неудачи, свидѣтельствующія, что въ продолженіе болѣе 15-ти лѣтъ посадки разныхъ деревъ, всякую весну и осень возобновляющіяся, малоуспѣшны, можно представить каждому всѣ трудности, какія встрѣтилъ за 60 лѣтъ дѣятельный графъ Чернышевъ. Память его добрыхъ дѣлъ и теперь сохранилась въ Бѣлоруссіи между ея жителями, а удобство пути и тѣнь, доставляемая деревьями по дорогѣ песчаной и во время лѣта непріятно знойной, есть лучшее право на благодарность ему признательныхъ путешественниковъ. Проезжая по этой дорогѣ, живо себя представляешь Англіійскій садъ; предметы, попадающіеся по сторонамъ ея, кажутся болѣе любопытными, показываясь несовершенно изъ-за деревьевъ.

Границы Малороссіи начинаются въ деревнѣ Добрянкѣ, поселеніи старообрядцевъ, невѣждъ чуждыхъ образованія. Небольшой источникъ раздѣляетъ деревушку Жидовъ, находящуюся еще въ Могилевской губерніи, отъ поселенцевъ староверовъ, у которыхъ домики хорошо выстроены, ограждены высокими заборами; ворота и

калитки всегда у нихъ заперты, и если кому либо нужно найти хозяина дома, тотъ напередъ долженъ запастись терпѣніемъ, чтобы просто-  
ять на улицѣ, стуча въ ворота, пока отпрутъ.  
Переѣхавъ за Черниговымъ рѣку Десну, можно  
уже всякому замѣтить, что грунтъ земли изъ  
песчанаго и глинистаго переходитъ постепенно  
въ глинистый и черноземный, вознаграждающій  
сторницею труды земледѣльца; тутъ уже можно  
видѣть благословенную Малороссію со всѣми воз-  
можными украшеніями, свойственными умѣрен-  
ному климату. По сторонамъ дороги разбросаны  
рощи съ дикими фруктовыми деревьями, кото-  
рыя красуются на зеленыхъ лугахъ, убранныхъ  
дарами роскошной Малороссійской флоры. Уто-  
мившись отъ дороги, и проѣхавъ три станціи  
отъ Чернигова, мы были приманены чистень-  
кимъ домикомъ, окруженнымъ съ двухъ сторонъ  
дубнякомъ, спереди котораго разстился зеле-  
ный коверъ, засыпанный пестрыми цвѣтами, воз-  
лелѣянными благотворнымъ небомъ. Тихій пре-  
красный вечеръ, простой, деревенскій видъ о-  
крестностей, чистый живительный воздухъ, ти-  
шина и спокойствіе въ опрятныхъ комнатахъ  
домика, расположили насъ провести ночь въ  
этой Малороссійской хатѣ, составляющей все  
достояніе станціи, называемой Дремайловкою.  
Пользуясь хорошою, теплою погодою, я отпра-  
вился вскорѣ въ дубраву на ботаническую про-

гулку: благовои́е цвѣтовъ , живописное мѣсто, яркая зелень убранства деревьевъ расположили мою душу къ чистому наслаждени́ю. При входѣ въ чащу лѣса болѣе и болѣе, мнѣ попадались очень красивыя растенія , между которыми Венеринъ башмачекъ (*cupressidium calceolus*) особенною формою вѣнчика и темнопурпуровымъ бархатнымъ цвѣтомъ его, привлекъ мое вниманіе; вскорѣ благово́нная любка (*orphis bifolia*) съ бѣлыми коронками, напомнила о своемъ укромномъ мѣстѣ рожденія, разливая нѣжно-пріятный запахъ; тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, лилія маслянка (*lilium mortagon*), роскошно убранная цвѣтами, выказалась надъ другими; въ сосѣдствѣ ея, длинными, цѣпкими стеблями, красиво застила́ла лѣсная ви́ція (*vicia sylvatica*) пустой промежутокъ между цвѣтущими липами. Вошедъ въ святилище природы, поражаясь невольнo разнообразіемъ пышныхъ произведеній флоры , разгадывая ея нѣмой говоръ, объясняя символическіе ея знаки, для глазъ многихъ людей навсегда закрытые, и безотчетливо наслаждаясь удовольствіемъ чистымъ, злыми дѣйствіями человѣка кеомраченнымъ, каждый принесетъ изъ глубины сердца теплую молитву Творцу міровъ за все благодѣяніе, ниспосланное Имъ на радость и пользу человѣку на земли. Уложу въ ботаническій портфель нужныя для меня, рѣдкія растенія , я возвратился съ удовольствіемъ съ прогулки, и нашелъ уже

всѣхъ своихъ спящими на станціи. Я не могъ скоро уснуть, еще полный тѣхъ впечатлѣній, которыя остались въ моей душѣ во время прогулки, и долго внималъ той глубокой тишинѣ, покрывавшей нашъ ночлегъ, которая была, кажется, предвѣстіемъ бури и худой погоды. Черезъ двѣ станціи мы уже въ Батуринѣ, нѣкогда бывшей столицѣ Малороссійскихъ гетмановъ. Проливной дождь, сильный вѣтеръ и сырой холодный воздухъ заставили насъ остаться всю темную ночь въ Батуринѣ, и только на разсвѣтѣ мы поѣхали дальше; дурная дорога сдѣлала намъ разницы болѣе одного дня, пока пріѣхали къ назначенному мѣсту. За нами уже остались и грязный г. Конотопъ, и трудолюбивый и богатый табачными плантаціями Хмѣлевъ, и приготавливавшійся къ годовой Ильинской ярмаркѣ г. Роменъ, гдѣ нѣкогда провелъ всю зиму предъ Полтавскою битвою неустрашимый Карлъ XII, король Шведскій. Въ 28 верстахъ отъ г. Ромена находится мѣстечко Константиново, принадлежавшее сначала князьямъ Вишневецкимъ, перешедшее потомъ въ фамилію Мнишехъ, отъ коихъ досталось Мазепѣ, и было отдано во владѣніе его другу Зеленскому; теперь же оно, съ 1711 года, принадлежитъ постоянно графу Г..... Перебѣнивъ лошадей на Роменской станціи, черезъ два часа мы уже были въ селѣ Коровинцахъ, окруженномъ съ одной стороны сыпучимъ пескомъ, отъ

\*

котораго мѣсто нашего назначенія находится въ трехъ верстахъ. Вотъ переезжаемъ рѣку Сулу по длинной, отлично отдѣланной плотинѣ и превосходно укрѣпленной, съ лѣвой стороны которой устроена двухъ-этажная мельница, удивительнаго механизма, доставляющая большія выгоды владѣтелю. Тутъ наконецъ является и Константиново, расположенное на берегу рѣки, у подножія довольно высокой горы, на которой выстроенъ господскій домъ съ бельведеромъ превосходной отдѣлки, и два флигеля; вблизи его расположенъ садъ со всѣми заманчивыми своими дорожками, украшеніями и группами плодовыхъ деревьевъ; на одной оконечности сада сооруженъ сельскій Божій храмъ. Нѣсколько отдохнувъ и воспользовавшись промежуткомъ времени отъ дурной, дождливой погоды, которая, кажется, во весь іюнь, сдѣлалась общимъ достояніемъ, я осмотрѣлъ все, что только могло представиться моему любопытству, и вотъ вамъ отчетъ. Мѣстечко Константиново расположено по отлогости горы, обращенной на юго-востокъ; передъ нимъ раскинута картина, достойная кисти лучшаго художника-пейзажиста. Въ первый разъ взойдя на это любопытное возвышеніе, вы будете поражены множествомъ предметовъ, коими сама природа украсила его. Это натуральное сліяніе произведеній ея васъ займетъ сильно, увлечетъ далеко туда, гдѣ обнимается земля съ синетою

горизонта, и гдѣ ваше любопытство откроетъ множество подробностей. Съ того самаго мѣста, гдѣ выстроены красивый домъ для лѣтняго пребыванія господъ, то есть, почти изъ центральной точки этой негнущейся насыпи (наносной горы), вы видите передъ собою амфитеатръ, чудесно обставленный группами деревьевъ, рощами, садами, между коими выказываются деревни, селенія, хутора; въ 28 верстахъ г. Ромень, съ правой стороны находящійся, представляется вамъ ясно со всеми своими строениями, церквями, а съ лѣвой стороны заштатный городъ Недригайловъ (Лебединскаго уѣзда) красуется на зеленой равнинѣ, по которой роскошно извивается рѣка Сула, и кажется со всеми подробностями какъ на ладони. Если вашъ любопытствующій взоръ не устанетъ отъ разсматриванія частей этой обширной картины, ему представится далѣе еще слобода Ольшанка, помѣщенная на песчаной равнинѣ, которая издали кажется бѣлымъ ковромъ, противоположнымъ съ разнохарактерными отливами зеленого цвѣта полей. Преслѣдуя далѣе неумовимый горизонтъ на востокъ, вы постепенно будете замѣчать, какъ выплываютъ и исчезаютъ на его непостоянныхъ, обманчивыхъ волнахъ, группирующіеся обиталища гражданственнаго человѣка и наконецъ слабость и ограниченность вашего зрѣнія кладетъ препону вашему любопытству разсматривать предѣлы видимаго.

Перебравъ въ деревню на лѣтніе мѣсяцы наслаждаться природою и жизнью, какъ не прійдетъ на мысль каждому пресыщаться прогулками? Изъ всѣхъ пресыщеній, убивающихъ здоровье, онѣ менѣе всего ему вредны; онѣ не оставляютъ тѣхъ послѣдствій, которыя часто преслѣдуютъ насъ до могилы своими непріятными воспоминаніями и тысячею раскалній, преждевременно отравляющихъ всю сладость жизни; напротивъ, онѣ составляютъ чистое удовольствіе, ничѣмъ не омраченное и оставляющее надолго живое впечатлѣніе прошедшихъ минутъ радости. Эти прогулки такъ необходимы въ деревнѣ, что безъ нихъ жизнь была бы въ тягость горожанину, перемѣнившему душную пыльную атмосферу своего пребыванія на легкій, чистый воздухъ деревни. Къ сельскимъ прогулкамъ житель города легко и скоро привыкаетъ: онѣ дѣлаются для него необходимостію. Такъ и я вскорѣ полюбилъ ихъ, и поздній вечеръ и румяную зарю свѣтлаго востока часто встрѣчалъ на вольномъ воздухѣ. Противоположность свѣта и тмы сопровождается прелестными картинами, какъ на поляхъ и зеленыхъ рощахъ, такъ и въ склоняющемся горизонтѣ окрестностей Константинова. Восхожденіе солнца рисуется неподражаемо за Константиновскими лѣсами, и тутъ представляется дѣйствительно то изыщное произведеніе природы, которое свойственно гористымъ мѣстамъ

Швейцаріи, Кавказа предъ началомъ утренняго сумрака. Скажу вамъ болѣе: восхищеніе мое осуществилось въ такихъ невыразимыхъ формахъ, что я представлялъ себя, живя въ Константиновѣ, перенесеннымъ въ горныя страны прелестной Пятигоріи Кавказа. Всѣ перемѣны дня сопровождаются перемѣнами видовъ. Когда солнце позлатитъ своимъ огненнымъ свѣтомъ всю картину окрестностей, и когда воздухъ заструится въ ея предѣлахъ, отъ перемѣны теплоты, тогда околележащіе предметы, ясно видимые за нѣсколько часовъ, покрываются свѣтовою мглою, и представляется необозримая даль, наводящая усталость на любопытствующіе взоры. Тутъ уже блескъ свѣта и сила его отраженія представляютъ предметы не полными, не совсѣмъ видимыми, а вмѣстѣ съ симъ невольно рождается мысль о безпредѣльности пространства. Послѣ полудня, когда наше полушаріе удаляется въ другую сторону отъ источника свѣта, вечерній пейзажный видъ окрестностей Константинова не менѣе величественъ и привлекателенъ, какъ и утромъ: уставшія стада домашнихъ животныхъ, разсыпавшіяся по отлогости горы, медленнымъ шагомъ по такту Украинской дудки, наигрывающей свою мелодію, возвращаются къ покою въ села, расположенныя симметрически у подножія Константинова; догарающіе лучи солнца позлащаютъ блуждающія тонкія облака въ верхнихъ странахъ

атмосферы, рисуются въ нихъ то радужными цвѣтами, то огненною полосою, то заревомъ небеснаго пожара, то убираютъ ихъ роскошными отливами пурпура, то, наконецъ, на чистомъ лазоревомъ небѣ скользятъ въ безпредѣльность. Съ величественною переменною, происходящею въ верхнихъ слояхъ воздуха, въ окрестностяхъ описываемаго мѣста является также переменна: прохлада непримѣтно смѣняетъ зной, а тѣнь, ложась въ долинахъ, на мягкой муравѣ рисуетъ разнообразныя фигуры, которыя, отъ легкаго вѣтерка, потрясающаго предметы, то сокращаются, то расширяются, то мечутся въ стороны и оживляютъ, такъ сказать, движеніемъ тѣни, самые предметы безъ яснаго выраженія жизни. Чтобы описать вамъ прелестнѣйшее мѣсто Константинова, одного изъ тѣхъ завидныхъ положеній, на которое всѣ проезжающіе обращаютъ неравнодушное свое вниманіе, я долженъ бы былъ представить вамъ всѣ подробности, которыя могли бы раскрыть всю прелесть этого Украинскаго мѣстечка, но нѣтъ возможности въ письмѣ это исполнить. Не могу еще не сказать вамъ объ одной картинѣ, которая усматривается съ площадки, впереди дома находящейся, гдѣ четыре сосновыхъ дерева (*pinus conica*) сплетаются вѣтвями своими, и доставляютъ укромную тѣнь, осѣняющую холстяную палатку, тамъ поставленную и отлично отдѣланную. Съ этого возвышеннаго

мѣста, составляющаго почти центръ террасы, опоясывающей гору, по которой гибкія лозы винограда сплетаясь между собою цѣпкими усами (*cirghi*), напоминаютъ что-то южнобережное Крыма, является въ большомъ видѣ панорама: на разостланшемся пестромъ коврѣ впереди васъ у подножія горы запруженная рѣка Сула роскошно разливается и образуетъ зеркальную, зыбкую поверхность воды на значительное пространство, усыпанную натуральными камышевыми островами, на которыхъ изрѣдка растутъ ольха и лоза (*salix*). Острова эти исключительно обитаемы птичками *очеретянками* (*sylvia phragmites*), которыя во всѣ мѣсяцы лѣта заступаютъ здѣсь мѣсто весенняго соловья, и самою пріятною переливною своею мелодіею услаждаютъ слухъ гуляющихъ; и въ лунную, свѣтлую ночь, часто эти пѣвцы природы наполняютъ окрестности своими трелями, щебетаньемъ, какъ бы недовольные дневными трудами и какъ бы радуясь еще болѣе, что пѣсни ихъ вечеромъ и ночью голосистѣе, звучите.

Съ одной стороны разлившейся рѣки Сулы находится село Березняки, и по тому же направленію, съ другой стороны, является на бѣломъ, песчаномъ грунтѣ село Курманы, а между ними прямо противу васъ, въ четырехъ верстахъ, тянется ленточкою старая почтовая дорога изъ Ромена въ Недригайловъ, обсаженная вербою (*salix alba*), вѣтви которой, разрастаясь равномерно,

принимають форму продолговатаго шара, затканнаго зеленью листьевъ; далѣе, за дорогою, представится вамъ глинисто-песчаная, наносная гора, произведенная дѣйствіемъ воды, разливавшейся нѣкогда по логовищу теперешней укромною Сулы морскими волнами, и разрушавшей всѣ существа, довольствовавшіяся тамъ жизнію. Эта гора параллельна той горѣ, на которой выстроень домъ, отлично-убранный и гдѣ расположенъ Англійскій садъ со всеми сокровищами южно-Россійской флоры. Я чувствую, что описаніе мое представитъ вамъ только одну слабую тѣнь всего мною видѣннаго. Прекрасное мѣсто! чудесное мѣсто! Если вы захотите обозрѣть окрестности Константинова, то найдете множество любопытнаго. Амалинна роца въ знойное время доставитъ вамъ лучшее мѣсто для гулянья: полульвовыя липы и стройные дубы составляютъ ея украшеніе. Тамъ ваше любопытство остановится нѣкоторое время на странномъ случаѣ натуральной привычки, соединившей въ одинъ стволъ липу съ дубомъ: не смотря на разнородность, свойственную имъ обимъ, растительныя ихъ силы слиты въ общность, и неизмѣннымъ порядкомъ липа украшается ежегодно широкими темнозелеными листьями и благовонными цвѣтами, а дубъ, въ свою очередь, питаясь нѣжными соками, исходящими изъ своей родной сростницы, сохраняетъ все достойніе крѣпости, могучести и кажется еще

обильнѣе покрывается листьями и больше приносить желудей. Стволъ при землѣ въ этомъ рядкомъ примѣръ есть господствующій дубъ, а липовый показывается уже на дубовомъ въ полтора аршина отъ земли, какъ омела на деревьяхъ. Странный случай, достойный вниманія.

Если вы нижнею дорогою проѣдете изъ Амалииной рощи къ городку, находящемуся на продолженіи одной горы съ Константиновымъ (въ 8 вер. отъ Конст.) къ сѣверовостоку, и если вы взойдете въ бесѣдку, находящуюся на самой верхней части горы, то тамъ дѣйствительно приклоните колѣна Творцу міровъ, и погрузитесь невольно въ тихую молитву, благословляющую Всевышняго за все благо, ниспосланное имъ роду смертныхъ. Здѣсь вы будете очарованы, прикованы къ тому чудесному мѣсту непонятною силою. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и ваше вниманіе не отстанетъ отъ созерцанія той картины, которая такъ живо, такъ восхитительно рисуется у вашихъ ногъ. Мнѣ кажется этотъ ландшафтъ неподражаемъ; онъ слишкомъ много представляетъ подробностей, чтобы можно рѣшиться и лучшему художнику живописцу снимать его на бумагу. Я лучшихъ мѣстъ не видалъ никогда. Въ этомъ городкѣ во времена Гетманства Украинскаго, Мазепа и другъ его, Зеленскій, имѣли крѣпость, окруженную глубокимъ рвомъ, которыхъ только одни утлые остатки теперь напо-

миняють о ихъ существованіи. Тамъ часто хитрый Мазепа съ своимъ другомъ предавался порывамъ самолюбія и измѣническимъ замысламъ противъ Великаго Петра. Побѣда подъ Полтавою рѣшила судьбу ненавистника Мазепы, и всѣ его достоянія и недвижимыя имѣнія щедрою рукою побѣдителя розданы были достойнѣйшимъ сановникамъ того времени. Въ 1711 году, декабря 6 дня, Петръ Великій пожаловалъ всѣ недвижимыя имѣнія, принадлежавшія Зеленскому, Чуйковичу, Гамалею, во времена Мазепы, и грамотою утвердилъ государственному канцлеру, тайному совѣтнику и кавалеру ордена Святаго Андрея, графу Гавріилу Ивановичу Головкину, за ревностноусердныя труды по службѣ и полезныя совѣты во время войны съ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ. Эта грамота, съ собственноручнымъ подписомъ Великаго Петра, въ богатомъ переплетѣ изъ Венеціанскаго бархата, съ государственною печатью, въ золотомъ кругломъ ящичкѣ, висящею на золотыхъ снуркахъ со всѣми украшеніями того времени, хранится и теперь въ церкви мѣстечка Константинова.

---